

Сергей Прокопьев
АФГАНСКИЙ СИНОДИК

16+

Сергей Николаевич Прокопьев

Афганский синодик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51928107

SelfPub; 2020

Аннотация

В пространстве интернета давно известна повесть Сергея Прокопьева «90-й псалом» о войне в Афганистане. В новой книге писателя собраны рассказы на эту тему. В рассказе «Афганский синодик» старшина танковой роты составляет список тех, с кем служил в одном гарнизоне и кто не вернулся с войны. Пишет одну фамилию за другой и вспоминает-вспоминает... Герой «Головореза» – офицер спецподразделения КГБ «Зенит», участник уникальной операции по взятию горсткой зенитовцев и десантников стратегически важного объекта – генерального штаба Афганской армии. Само за себя говорит название рассказа «Псевдоафганец». В рассказах «Первая смерть», «Артур, Татьяна и чекистка» повествуется о тех, кто ждал своих близких с войны, хранит память о погибших...

Содержание

Головорез	4
Афганский синодик	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Головорез

Виталий Квасцов с лёгким поклоном представился священнику, отцу Андрею:

– Раб Божий Виталий.

Бледное костистое лицо, глубокие морщины. Редкие светлые волосы. Уставший взгляд. «Болеет», – подумал священник и накрыл голову Виталия епитрахилью. Виталий пригнулся, они были с батюшкой одинакового роста, за метр восемьдесят.

– Грешен, батюшка, грешен, – начал Виталий. В голосе волнение. – Словом, помышлением, делами.

Виталий вздохнул, сделал паузу, священник ждал.

– Грешен, батюшка, убивал людей.

Виталий замолчал.

Отец Андрей почему-то бросил взгляд на правую руку Виталия, в которой тот держал матерчатую фуражку. Сухие, длинные пальцы, не знавшие ежедневного физического труда. Кожа покрыта возрастными пигментными пятнами.

– Я убивал людей, – повторил Виталий. – И не один раз. Но я – профессиональный военный, батюшка...

– Вы оправдываетесь или раскаиваетесь? – спросил отец Андрей.

– Не знаю, батюшка, – Виталий пожал плечами. – Не знаю...

– Где убивали?

– В Афганистане. До этого много лет из меня готовили диверсанта-разведчика, в общем-то – головореза...

– «Альфа»?

– Нет, «Зенит», потом переименовали в «Вымпел».

– Помните, кого убивали?

– Отлично помню охранника в генштабе правительства Амина. Царствие ему Небесное.

– Всегда поминаете так?

– Два года назад, рассказывая журналисту о штурме, о том эпизоде, вдруг пожелал: «Царствие ему Небесное». С той поры всегда.

– Он мог вас убить?

– Нет, был обречён. Нас готовили один к шести без оружия. К тому же – я знал о начале операции, был наготове... И зубы ему заговорил...

– Убивали всегда лицом к лицу?

– Его да...

Это была операция в Афганистане, в Кабуле, по свержению правительства Амина. С лёгкой руки журналистов переворот свели к штурму дворца Тадж-Бека, резиденции Амина. На самом деле операция уникальна тем, что одновременно начался захват нескольких жизненно важных объектов. За сорок пять минут минимальными силами с единичными потерями власть была передана новому правительству.

Штурмовой группе, в которую входил Виталий, а это пят-

надцать зенитовцев плюс три пограничника (число должно быть чётным) – за сорок минут до операции поставили задачу: войти в здание генерального штаба Афганской армии, захватить его вместе с начальником – генералом Мухаммедом Якубом и удерживать до прихода подкрепления. Якуб, преданный Амину родственник, мог отдать приказ Афганской армии на вооружённое сопротивление. Нужно было его нейтрализовать.

Сухому пайку, что командир предложил взять с собой, Виталий предпочёл дополнительные диски к автомату. «Не до жиру», – распихал диски по карманам. Так поступили все. Напряжение было сумасшедшим, никто не откликнулся на призыв командира принять боевые сто граммов. Четыре бутылки водки и колбаса, нарезанная аккуратными кусочками, остались нетронутыми.

– Мне сейчас даже водка в горло не полезет, – сказал Борис-барнаулец.

Двое выпили валерьянки. Но как сами потом признались: несколько не помогли успокоительные капли.

Ехали к генштабу на двух машинах – «Рафике» и «Волге». Виталий, сидя в «Рафике», вспомнил о детях. Случись худшее, кому воспитывать? Сыну – десять, Лене в марте шесть исполнится. Женился он поздно – в двадцать девять...

Задача перед их группой стояла со многими смертельными неизвестными. В генштабе дежурный взвод охраны ни много ни мало – тридцать человек. Это раз. У Якуба пять

министров, значит, у каждого помощники – тоже профессионалы. Сам Якуб тоже не пиджак – выпускник Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища. Плюс обслуживающий персонал... В сумме ещё человек тридцать наберётся. Все не случайные в армии люди и вооружены. Это два. Метров в тридцати от здания генштаба казарма роты охраны, в которой, как сказал командир, до ста восьмидесяти человек. Это три. При таком раскладе, начнись бой – не обойтись без потерь... Спрашивается, какие при таких перспективах боевые сто граммов в горло полезут...

За окном «Рафика» мелькали картины чужого города. Виталий сидел рядом с Борисом-барнаульцем. Год назад вместе были в Балашихе на курсах усовершенствования офицерского состава – КУОС. «Усовершенствуйся» прыгали с парашютом, закладывали тайники... Конечно, была стрельба, отработка приёмов рукопашного боя, проходили минно-подрывное дело, радиосвязь, совершенствовались в знаниях средств и методов агентурно-оперативной работы, иностранных языков...

Встретились с Борисом как старые знакомые. Час «Ч» – для переброски на территорию противника, час, к которому готовили их долгие годы, наступил для обоих одновременно. Борис, он прекрасно знал английский и испанский, был сосредоточен. Виталий посмотрел на товарища. Вчера он весело бросил:

– В случае чего печально-летального, пенсион какой-ни-

какой всё равно семье назначат.

У Бориса росли девчонки-двойняшки, на два года старше младшего сына Виталия. «Пенсию, само собой, положат, – думал Виталий, глядя в окно “Рафика”, – а Света у меня человек волевой, обязательно детей вырастит... И тёща, конечно, поможет, она молодец...» Подумал так, и сразу легче стало, свободнее... Мысли, гнётом давившие на сердце, отлетели... Чему быть, того не миновать... Толкнул локтем Бориса, тот в ответ подмигнул, дескать, «всё путём, парни». Была у него такая присказка.

Для всех омских друзей-товарищей-знакомых Виталий находился в это время в Москве по служебной надобности. Жена была осведомлена больше. Когда ему три недели назад выдали предписание на командировку в столицу, со Светланой условились, если что из ряда вон, Виталий даст сигнал. Шёл на нарушение, но не мог поступить иначе. Светлана, конечно, не знала всего, собственно, ничего не знала, но догадывалась, что муж не бумажки перебирает в КГБ. Это случилось в первый год их совместной жизни, стояли вдвоём поздним вечером на освещённой тусклым фонарём трамвайной остановке, чуть впереди мужчина в ветровке, сумка через плечо. И вдруг к нему подбежали трое. Один выхватил нож... Светлана не успела понять, что произошло. Муж сделал несколько скупых движений, и все нападавшие оказались на земле. А объект бандитского интереса слёзно просил: «Дяденька, не бей меня! Пожалуйста, не бей!» Хотя с

виду был старше Виталия и его бить никто не собирался.

В начале декабря 1979-го, когда Виталия командировали в Москву, на карте имелось две горячие точки – Афганистан и Пакистан. Интуиция воина подсказывала – возможен один из вариантов. Со Светланой, прощаясь, договорились (как в шпионском романе), если в письме домой известит о родственном визите к тётушке Прасковье – значит, отправили в Пакистан, если же навещал другую виртуальную тётушку – Агафью – он в Афганистане.

В Омск ушло письмо-шифровка с информацией о чаепитии у тётки Агафьи, у которой «пошаливает давление», но «пятьдесят граммов коньячку к чаю приняла с удовольствием». Весточка дошла до адресата. Или родное ведомство Виталия прошляпило, или разгаданный шифр начальство расценило как безобидный пустячок.

Операцию по взятию генерального штаба объявили на девять вечера, но вдруг срочно собрали группу без четверти семь. Определив задачу, командир спросил:

– Какие вопросы?

Виталий поднял с колена руку:

– Заходим в штаб под легендой или с боем?

– Под легендой, – коротко ответил командир.

– Уже лучше, – тихо прокомментировал Борис-барнаулец.

– Для нас или для них? – шепнул Виталий.

– Для всей бражки.

У генштаба вышли из машин, командир тихо бросил:

– Вперёд.

Все восемнадцать человек были без знаков отличия, в защитной форме песочного цвета, на головах кепки с козырьком, их называли кубинками. Командир поговорил с охраной и представил отряд как группу сопровождения высокого руководства, которое пришло на приём к Якубу. В самое пекло пошли те, кто направлялся к Якубу. Это был командующий 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии генерал-майор Иван Фёдорович Рябченко, с ним два его офицера-десантника, четвёртым был офицер КГБ, советник армии Афганистана. Все без знаков отличия.

Группа зенитовцев беспрепятственно проникла в штаб и по два-три человека распределились по зданию. Кому где находиться было обговорено заранее. Виталий с Борисом поднялись по широкой лестнице на последний этаж. Им надлежало держать оборону у министерского буфета.

На площадке стоял боец из охраны генштаба – смуглый верзила. Два не два, но около этого ростом. Охраняли здание в основном пуштуны. Виталий, широко улыбаясь, шагнул к своему «подопечному», протянул пачку сигарет. Сам занял позицию, чтобы просматривался коридор, лестница... Слух ловил все звуки. Площадкой ниже краснодарец Толик Игнатьев усыплял бдительность ещё одному охраннику – громко говорил ему по-английски. Как потом выяснилось – многие афганцы в генштабе знали русский, учились или стажировались в Советском Союзе. «Верзила» взял дружелюбно про-

тянутую Виталием пачку сигарет, это был «Союз-Аполлон», рассматривая рисунок космических кораблей, сказал по-английски «космос», достал сигарету, Виталий чиркнул зажигалкой, подопечный наклонил голову к огоньку, и тут раздался взрыв... Охранник, выхватил револьвер...

В соответствии с планом ровно в половине восьмого группа зенитовцев взорвала в центре города коммутационный узел связи, который обеспечивал секретную телефонную связь с важнейшими военными и гражданскими объектами страны. Он находился в бетонном колодце. Взрыв был сигналом начала операции «Шторм-333», цель которого – свержение правительства Амина.

На следующий день Виталий проезжал с командиром мимо министерства связи, притормозили у воронки – метров десять в диаметре, метров пять глубиной.

Группа выдвинулась к колодцу минут на десять раньше группы Виталия. Как потом рассказывали ребята-подрывники, крышка колодца перед министерством связи была накрепко закрыта. Не канализационный люк – поддел и залазь. Это не смутило зенитовцев. Операция по государственному перевороту прорабатывалась во всех мелочах. Накануне на другом конце города был найден колодец с такой же крышкой. На нём подрывники опробовали специальные щипцы. Не подвёл инструмент и при закладке взрывчатки. Предварительно командир группы подошёл к охраннику, что стоял в будке у министерства. Тот обеспокоено спросил, что за лю-

ди у колодца. На это имелась легенда: душманы ночью поставили мину, сапёры приехали обезвредить. В колодец оперативно заложили пятьдесят килограммов тротила, часовой механизм поставили на половину восьмого... Охранника с будкой взрывной волной отбросило метров на сто. Но остался жив бедолага...

«Верзила», подопечный Виталия, услышав взрыв, выхватил револьвер... Взвести курок Виталий не позволил короткой очередью из автомата. «Верзила» рухнул. Борис-барнаулец закричал:

– Сзади!

Виталий, поворачиваясь, нанёс удар в шею нападавшему. Это был китаец-официант, он прыгнул из буфета. От удара китаец сник. Виталий схватил его за шиворот и сунул в ближайший кабинет, захлопнул дверь. Китаец не сопротивлялся, но оказался шустряком, – мгновенно закрылся изнутри. Сознание Виталия отметило: «Замок клацнул, значит, клацнет, когда станет открывать – услышу».

Позже выяснится сущность официанта. Он был вовсе не мелким подавалой – «отнеси-принеси-приготовь» – кадровый китайский разведчик. Таки ухитрился удрать при выводе из генштаба пленных и передаче их нашим военным.

– Вот тебе и кухня, – прокомментирует Борис-барнаулец сей факт, – в генштабе жучара окопался, мотал себе на китайский ус, что болтают за первым-вторым и компотом афганские генералы, при случае мог легко травануть нужного

человека!

Кстати, Амина и его окружение за обедом притравили в день штурма в соответствии со спецакцией. Но не совсем как планировалось, яд начал действовать не замедленно, а тут же. Поступила команда: вытащить Амина. То Стёпа, то не Стёпа, то отравить, то таскай назад – реанимировать. Послали двух полковника советской медслужбы. Они привели в чувство Амина, реанимировали кое-как, а тут начался штурм дворца. Один доктор погиб... И реанимированного Амина застрелили...

Это станет известно на следующий день...

Подопечный Бориса был пониже, чем у Виталия, но тоже не слабый афганский парень. На звук взрыва обхватил обеими руками Бориса, мешая тому распорядиться автоматом. Борис отшвырнул охранника на лестницу, пуля достала в полёте...

Виталий затолкал китайца в кабинет, повернулся в сторону лестницы и за спиной раздался выстрел, стрелял полковник кановец – контрразведка Амина. Он выскочил из двери напротив, сделал ещё выстрел из пистолета и бросился от Виталия. Виталий достал его короткой очередью. И тут же над головой засвистели пули. Стреляли из дальнего конца коридора. Виталий прижался спиной к стене, рядом была дверь кабинета, осторожно потянулся к ручке, дёрнул – закрыто.

Борис стоял на лестничной площадке, которая не про-

стреливаласьь.

– Ко мне! Перебежками! – крикнул Виталию.

– Иду, – ответил тот.

И остался на месте, что-то подсказало: «Не спеши». Это спасло. Услышав русское «иду», афганец, что сидел в шаге от Виталия, за той самой дверью, которую тот только что дёргал, выстрелил вслепую из АК-47, но рассчитал чётко. Как потом вспоминал Виталий: «У меня шерсть на голове дыбом встала, аж кепчонка поднялась! Не притормози я – черепок бы снесло!» Пули прошли у лица, ударили в стену. Подбежал Борис, схватил массивную вешалку на стойке, выбил филёнку у дубовой двери, Виталий швырнул гранату. Кабинет после взрыва огрызнулся очередью. Виталий бросил ещё одну гранату...

Короткое время раздавались выстрелы в разных концах здания, потом всё стихло. Тишина была обманчивой. Явно, где-то затаились афганцы. Но не все, кто-то посчитал более разумнее поднять руки вверх. Таких оказалось немало, пленных стали направлять к Виталию и Борису, министерский буфет был идеальным местом для них. Внизу оставлять нельзя, охранять такую ораву некому, значит, могут в окна повыскакать. Операция была продумана до мельчайших деталей, но эта проблема не обсуждалась, инструкций никто не давал. «Обыскивать и связывать», – принял решение Виталий. Чем вязать? Ремни никто не заготовил. Виталий штык-ножом резал ковры и шторы на ленты. Ими связывал. Пред-

варительно обыскивал пленного, затем заводил ему руки назад – несколько быстрых движений и готов. Следующий... Борис с автоматом держал под прицелом несвязанных. Ситуация сверх напряжённая. Пленные, пусть безоружные, и у Виталия автомат на ремне болтается, но если такая масса повалит гурьбой – ничто не поможет. Виталий несколько раз громко, чтобы до пленных дошло, сказал Борису:

– Если начнут – коси очередями! Не жалей меня! Иначе не успеешь!

И на английском повторял.

Через несколько дней Виталий спасёт Бориса. Да и себя. В Кабуле втроём зашли в магазинчик на так называемом Грязном рынке (был ещё Зелёный). Борис с Иваном из Кургана подошёл к прилавку. Виталий предусмотрительно, контролируя ситуацию, остановился чуть сзади. Вдруг клацнул затвор. Виталий ребром ботинка ударил в ногу афганца, тот успел нажать на курок, пуля попала Борису в ягодицу. На этом афганец отстрелялся. Виталий уложил его пулей в голову. Парни потом хохотали:

– Теперь тебе, Борис, выдадут специальную колодку за тяжёлое ранение в задницу!

– Всё путём, парни!

У них, у каждого, было по два патрона для себя. На самый крайний случай. Борис через год попадёт в Афгане в окружение, и эти патроны «для себя» использует по другому назначению – уложит пару духов... А его изрешетят из

автоматов...

Виталий вязал пленных, отправлял их в буфет. Наконец поток иссяк. Борис бросил:

– Сядь, посиди!

А у Виталия руки и ноги задеревенели, пальцы не слушаются. Хотел снять автомат, положить на колени, а рука не поднимается, как не своя... Так и сел к стене с автоматом на шее, и только в этот момент пришло осознание факта: в какую переделку они попали. Если что пойдёт не по сценарию, такая заваруха начнётся в Кабуле...

– Что там? – спросил Борис Толика Игнатъева, который держал свой сектор под прицелом. Толик ничего не знал. В штабе вроде как затишье, но надолго ли, что за стенами штаба – неизвестно. И подкрепления нет. Один пленный зашумел в буфете. В чём дело? Оказалось, приспичило помаленькому. Тут же ещё один выразил аналогичное желание. Виталий повёл их в туалет. Одному руки развязал, а когда тот облегчился, показал дулом автомата: расстёгивай ширинку соплеменнику, который, по-прежнему, оставался связанным. Афганец было возмутился унижительному приказу. На что Виталий, сделав зверскую физиономию, приставил к его груди автомат:

– Быстро!

Дрожащими пальцами афганец расстегнул чужую ширинку, достал прибор... Потом без приказа застегнул штаны...

Виталий вернул облегчившихся в буфет и застал картину:

один из пленных сел на пол и начал с безумными глазами распевать восточные песни. Не выдержал у бедолаги раскудок психологической нагрузки – помрачился.

С опозданием минут на сорок к Генштабу подъехала парашютно-десантная рота. Колонна машин БМД в темноте заблудилась в незнакомом городе, пришла не вовремя и в неполном составе.

Десантники дали очередь из пулемёта по верхнему этажу генштаба, вдобавок для острастки жажнули из пушки БМД. Обозначили серьёзность своих намерений. Выстрелили метко, угодили в кабинет, где находился генерал-майор Рябченко. Десантники едва не убили своего командира. Войдя в здание, десантники начали его зачистку от афганцев, которые решили быть верны присяге до конца. Заговорили автоматы, забухали гранаты.

«Зенит» свою задачу выполнил. Генштаб был нейтрализован, не передал команду в афганские войска на начало боевых действий.

– Насколько знаю, – сказал отец Андрей, – наградами вас особо не отметили.

– Да уж. Дали медаль «За боевые заслуги». Дескать, операция сверхсекретная, нельзя её наградами раскрывать. Будто афганцы сами провернули дело, свергли Амина, а мы здесь ни при чём. Пришли после этого.

«А должны были всем Героя дать за такую операцию», – подумал священник.

– Болезнь привела в храм? – спросил Виталия.

– Да.

Месяц назад у Виталия была обнаружена злокачественная опухоль. В церковь его отправила старшая сестра: «Виталик, надо пойти, ты крещёный, исповедуйся, причастись, надо, дорогой ты мой брат».

Священник прочитал разрешительную молитву, произнёс:

– Целуйте Евангелие и крест, – и добавил про себя: «Спаси, Господи, воина Виталия, исцели его».

Афганский синодик

В Дмитриевскую родительскую субботу Николай Сергеев поднялся рано утром и пошёл в церковь. Под плащом был пиджак с орденом Красной Звезды. Собираясь в церковь, почему-то решил: «Надену». Накануне вечером позвонил двоюродной сестре Марии, она сказала, что в одну поминальную записку можно вписать десять-двенадцать имён. У него получилось шесть записок. Одна с родственниками, остальные заполнил однополчанами. В церкви, в свечной лавке подал записки, купил одну большую свечу, семьдесят две маленькие, начал их ставить.

– Вы весь канун займёте! – сделала замечание подошедшая женщина. – Другим не останется.

Николай пропустил замечание мимо ушей. Женщина пожалала плечами, свою свечу ставить не стала, положила на канун. Николай ставил свечи одну за другой. Зажигал, поднимал голову к большому Распятию, что стояло за кануном, говорил про себя: «Господи, упокой душу...», – крестился, втыкал свечу, зажигал от неё следующую: «Господи, упокой душу...»

За месяц до этого на похоронах дяди запали в сердце слова священника. Перед отпеванием он сказал, что усопший за гробом уже ничего не сможет сделать для своей души, а мы, здравствующие, молитвами облегчаем его участь. Душа

человека, отошедшего от мира земного, чувствует молитвы, возносимые за неё с любовью, благодарна тем, кто произносит их. Души усопших молитвами живых получают утешение и приближаются к Царствию Небесному. У Иисуса Христа нет мёртвых, мы, как клеточки живого организма, взаимосвязаны тысячью невидимых нитей. Живые молятся за усопших, угодившие Богу усопшие пламенеют в молитвах за живых...

За поминальным столом Николай сидел рядом с двоюродной сестрой Машей. Мать Николая про неё говорила: «Маша у нас боголюбивая». И добавляла: «Есть в кого – в мать, сестра моя Варвара такая же была!» Маша на вопрос Николая объяснила: поминая, нужно подавать записки на проскомидию, заказывать панихиды.

– И келейно обязательно молись.

– Это как?

– Дома. Я тебе посоветую составить список, синодик так называемый, в который внеси имена, кого хочешь помянуть. Поминай дома, а в церкви подавай записки. Особенно в поминальные дни.

– На Радоницу?

– Не только, кроме родительского дня после Пасхи есть ещё шесть родительских суббот в году. Через две недели Дмитриевская. Церковь в этот день особо поминает всех погибших воинов.

– Во! Это как раз мне.

Вернувшись с поминок, Николай, не откладывая в долгий ящик, достал толстый альбом с армейскими фотографиями, включил компьютер, создал файл с названием «Синодик» и начал листать альбом... Первые его страницы заполняли фото, сделанные в Нижнем Новгороде. Их дивизия была оттуда, тогда ещё Нижний назывался Горьким...

Десять лет назад Николай на День Победы поехал в Нижний Новгород. Позвал его в гости однополчанин Виталька Вербицкий. Девятого мая пошли на кладбище. Виталий повёл по могилам. Пили у памятника командиру батальона, на могилках двух командиров рот, солдат-однополчан. Не нашли командира взвода артиллеристов.

– Никак не могу запомнить, как к нему идти, – сетовал Виталий.

Это были те, кого хоронили в цинковых гробах. Зашли на три недавние могилки. Зампотех батальона умер после второго инфаркта. Приехали с женой из магазина. Вышли из машины, он почувствовал слабость. Жена кинулась к нему: «Что?» – «В груди печёт». Она схватила сумки: «Сейчас занесу...» Пока бегала, вызывала «скорую»... Начальник штаба попал в психушку. Здоровый, крепкий мужик. Вдруг начались наваждения, панический страх. И загремел в весёлую больницу, откуда не вышел до смерти...

Помянули всех и не по разу водкой, а вот пойти в церковь, заказать панихиду – никто не подсказал, а сами и не подумали.

Николай первыми в синодик записал тех, кого поминали на кладбище в Нижнем Новгороде. С ними входил в 1980-м в Афганистан, обустроивал гарнизон под Тулуканом, куда отправили их роту, дивизия дислоцировалась в Кундузе... Николай перелистывал альбом, кого-то помнил ярко, чьи-то имена стёрлись. Витя Плотников на фото стоял в парадной форме в пол-оборота к объективу, дурашливо выпятив грудь. Снимался ещё в Союзе, в учебке. Нос картошкой, большие улыбочивые губы. Где-то в альбоме должно быть фото, на котором они с Витей в халатах, чалмах, на обороте снимка Витей размашисто написано: «Братаны-басмачи».

Виктор был сержантом, Николай – старшиной роты. Виктор прибыл в гарнизон месяца на четыре позже Николая, как-то разговорились после ужина, и выяснилось: отцы у них из одной деревни – Николаевки Верхне-Чебулинского района Кемеровской области. Ни одному, ни другому не довелось побывать на родине предков, а всё равно земляки, что с особым чувством осознавалось под небом Афганистана.

– В Мариинск ездил к тётке в семьдесят восьмом, – рассказывал Виктор, – городок маленький, но пиво делали класс! Тётка звала съездить в Николаевку, на кладбище сходить, деревню посмотреть, наших там никого не осталось, но дом деда, говорят, стоит. Да не получилось сгонять туда.

– Может, мы с тобой родственники? – шутливо предположил Николай.

– Ага, братаны по соседскому плетню.

– Тоже родство.

После того разговора они сблизились, и Николай стал брать Виктора на операции, где требовались люди надёжные, и чтоб язык умели держать за зубами. Операции относились к разряду партизанщины.

Это не входило в прямые обязанности воинов танковой роты, поэтому командиру дивизии докладывали по факту, не вдаваясь в детали. Ночными вылазками не позволяли басмачам чувствовать себя вольготно, предотвращали их нападения, старались предупредительными действиями снизить боеспособность банд, что базировались в данной местности.

Ходили на операции офицеры и надёжные бойцы. Переодевались под местных: халат, на голове чалма, на ногах – носки и калоши. Калоши – самая обувь, во-первых, афганцы носили их зимой и летом, во-вторых, не гремят, как сапоги, мягкий шаг. Тесную связь с тулуканским гарнизоном держал Хаким, командир взвода разведки Афганской армии, соединение которой стояло в Тулукане. Хаким учился в Советском Союзе, хорошо говорил по-русски.

В тот раз Хаким получил информацию: в Тулукан должен тайком прийти главарь одной из крупных банд, что постоянно вела бои при проводке автоколонн, идущих на Файзабад. Банда успешно орудовала на участке Кундуз – Тулукан – Кишим. У главаря в Тулукане был дом, семья. Хаким планировал захватить его и попытаться склонить к сдаче банды, переходу её на сторону Афганской армии. Тем самым превра-

тить врага в союзника. Экономический резон у главаря к такой метаморфозе был. Местный бай, он имел крупный надел земли в окрестностях Тулукана. Да толку от него оставалось с гулькин нос. В результате боёв посева уничтожались, тогда как действуй он со своими бойцами в составе Афганской армии, можно охранять свою землю. Хаким надеялся этим доводом убедить противника. Кто-то из бандитов за хороший куш сообщил о тайном визите главаря домой с минимумом охраны. Шанс для захвата – лучше не придумаешь...

Ходили на такие операции двумя группами по десять-двенадцать человек (в случае засады, одна прикрывала другую), приближались к объекту с разных сторон. По детальной карте Тулукана намечали маршруты. Вели группы афганцы. Только они могли ориентироваться в ночи. Двигались гуськом, впереди афганец, за ним русский, опять афганец и так далее... Темень страшная, хоть ножом ночь на пласти режь. Перед носом ничего не разберёшь. Если вдруг сталкивались с кем-то из местных, в разговор вступали афганцы... Связь между группами велась по рации, была у них мало-мощная, на батарейках. Зажужжало на груди – слушай...

Хаким подвёл группу к дому главаря банды. Связались по рации с группой прикрытия, та заняла позицию с другой стороны дома. В случае заварушки, она должна отсечь пути отхода бандитов, не дать никому ускользнуть за подмогой. Дом охраняли четверо часовых, как правило, с ружьями и автоматами. На шее автомат, в руках дробовик, если что –

первый выстрел из него, площадь поражения большая, какая-нибудь картечина да заденет нападающего, а уж потом в ход идёт калаш.

Хаким отдал команду своему разведчику Матину бесшумно убрать двух часовых, что стояли на крыше со стороны ворот. Не доведись Николаю самому видеть, как Матин метал ножи, по сей день считал бы: в кино монтаж и байки для наивных, когда брошенный рукой нож на раз валит здорового мужика.

Однажды они попросили Матина провести мастер-класс для офицеров роты. На территории гарнизона стоял старый разваленный без крыши афганский дом. Приличной площади. В нём и собрались офицеры. Принесли широкую доску метра полтора длиной, нарисовали мишень – контур человека во весь рост. Матин отошёл в дальний конец комнаты. Головой вопрошающе кивнул, дескать, куда попасть. По-русски он не говорил, немного понимал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.